

EDN: QEYNL
УДК 17.03

The Problem of Moral Sanctions in the Works of Emile Durkheim

Andrei V. Prokof'ev*

*RAS Institute of Philosophy
Moscow, Russian Federation*

Received 10.01.2022, received in revised form 12.04.2022, accepted 17.10.2022

Abstract. The goal of the paper is to reconstruct Emile Durkheim's view on the peculiarity of moral sanctions and the place of this view in the development of the contemporary theory of moral sanctions. Methodologically, the paper rests upon the supposition that inquiries in the history of ethical thought can and should enrich the theoretical ethics and vice versa. In the initial definition from *Rules of Sociological Method*, the moral sanction is a 'widespread (diffuse) repressive sanction, that is to say a condemnation by public opinion». The paper reveals the inner contradiction of this definition: the repressive and diffuse character of sanction is not the same as its being exclusively a matter of public condemnation. E. Durkheim has some reasons to identify them, and they are analyzed in the paper. The paper also establishes how the Durkheimian sociology of morality contributed to the development of the theoretical tradition that equates moral sanctions with the whole range of expressions of public blame except physically restraining or harming a transgressor. In the middle of the XX-th century Durkheim's understanding of moral sanctions was criticized for neglecting the state of mind of a transgressor (T. Parsons, O. G. Drobnitskii). Though the paper shows that this problem was, if not eliminated entirely, at least smoothed out in the later works of E. Durkheim.

Keywords: ethics, morality, law, moral sanctions, legal sanctions, purely moral rules, E. Durkheim

Research area: philosophy.

Citation: Prokof'ev A. V. The problem of moral sanctions in the works of Emile Durkheim. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(1), 91–103. EDN: QEYNLP (online 2022).

Проблема моральных санкций в трудах Эмиля Дюркгейма

А.В. Прокофьев

*Институт философии РАН
Российская Федерация, Москва*

Аннотация. Цель работы – реконструировать представление о специфике моральных санкций Эмиля Дюркгейма и выявить его место в процессе формирования современной теории моральных санкций. Методология работы определяется установкой на взаимное обогащение историко-этических исследований и теоретического поиска в этике. В соответствии с исходным определением, содержащимся в «Методологии социологии», моральная санкция – это «репрессивная диффузная санкция, т.е. осуждение общественным мнением». В статье вскрыто внутреннее противоречие этого определения, состоящее в том, что репрессивный и диффузный характер санкций не означает их тождества с общественным осуждением. Продемонстрированы причины, по которым Э. Дюркгейм склонен все же их отождествлять. Выявлен тот факт, что представление Э. Дюркгейма о моральных санкциях стало важной вехой в формировании той традиции их понимания, в которой они представляют собой осуждение нарушителя моральной нормы окружающими, не переходящее в физическое воздействие на него. В середине XX в. дюркгеймовское понимание моральной санкции было подвергнуто критике как не учитывающее состояние сознания нарушителя (Т. Парсонс, О. Г. Дробницкий). Однако, как показано в статье, в поздних работах Э. Дюркгейма этот недостаток был если не изжит, то, по крайней мере, сглажен.

Ключевые слова: этика, мораль, право, моральные санкции, правовые санкции, чисто моральные правила, Э. Дюркгейм

Научная специальность: 09.00.03 – история философии.

Цитирование: Прокофьев А. В. Проблема моральных санкций в трудах Эмиля Дюркгейма. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманит. науки*, 2023, 16(1), 91–103. EDN: QEYNLP (онлайн 2022).

Введение в проблему исследования

Понятие «моральных санкций» широко используется в исследованиях, посвященных феномену морали и отдельным проявлениям морального опыта. К нему прибегают как психологи, социологи, культурологи, антропологи, правоведы, так и моральные философы. Оно используется при описании тех механизмов, которые обеспечивают действенность моральных ценностей и требований. При этом следует отметить, что конкретная трактовка моральных санкций, зависит от того, какой

смысл вкладывается в слово мораль и как понимается ее предназначение. Широкие и узкие, формальные и содержательные подходы к пониманию морали естественным образом тяготеют к разным концепциям моральных санкций.

Предельно общий для данного исследования термин «санкции» используется по отношению в таком негативном последствии нарушения нормы для нарушителя, у которых есть обладающий сознанием «автор» и которые возникают именно в связи с нарушением (с целью воздать нарушителю по заслугам или с двойной целью возда-

яния и поддержания практики исполнения нормы). Симметричное определение можно дать позитивным санкциям, которые связаны с соблюдением нормы. Но в целом именно негативное санкционирование находится в фокусе социальных и гуманитарных наук. Существенным источником затруднений для исследования моральных санкций является то, что многие морально одобряемые санкции, не являются специфически моральными.

Исторически обсуждение моральных санкций происходило в русле двух традиций их понимания. Первая традиция выделяет их на основе двух ключевых особенностей. Во-первых, эти санкции не налагаются специализированными коллективными органами или специально уполномоченными лицами, их источник – отдельные индивиды или группы в их неорганизованной ипостаси. Во-вторых, они не предполагают физического воздействия на нарушителя, для некоторых формулировок этого свойства – не предполагают материальных потерь, и состоят в осуждении со стороны окружающих. Эту традицию можно зафиксировать начиная с трудов Дж. Бенета; она являлась мейнстримом социологического и антропологического понимания моральных санкций в конце XIX – первой половине XX вв. и была закреплена в некоторых обобщающих работах по этим дисциплинам. В середине XX в. внутри этой традиции формируется недовольство тем, что два параметра не отвечают сути морали как особого социокультурного явления и что они создают такое описание моральной регуляции, из которого выпадает ее важная составляющая. Имеется в виду реакция на осуждение самого нарушителя, которая в случае морали не может быть ни чем иным, кроме самоосуждения. Соответственно, негативные моральные санкции стали определяться как соединение внешнего осуждения и внутреннего самоосуждения нарушителя (Т. Парсонс, Г.Л.А. Харт, О.Г. Дробницкий). Для второй традиции понимания моральных санкций разграничение внутреннего и внешнего оказывается не дополнительным, а центральным, поскольку ее сторонники видят в морали, прежде все-

го, область индивидуально-ответственного, автономного поведения. Образцовой негативной моральной санкцией в таком случае будет то страдание или тот дискомфорт, которые причиняет нарушителю самоосуждение. Связь последнего с внешним давлением не является обязательной. У истоков этого подхода к проблеме моральных санкций стоял Дж. Ст. Милль. Вклад в нее был внесен антропологическими исследованиями XX в., но в своей полноте она присутствует в философии морали.

Постановка проблемы исследования и его методология

Основная проблема данного исследования – определиться с тем, как соотносится с этими двумя традициями корпус текстов и совокупность идей Эмиля Дюркгейма. В статье предпринимается попытка обнаружить причины, по которым Э. Дюркгейм понимал суть моральных санкций в русле первой из двух традиций, а также зафиксировать противоречия и лакуны в его рассуждениях, соответствующих ей. Но, кроме того, будет поставлен вопрос о том, была ли социология морали Дюркгейма полностью чужда упомянутому выше изменению первой традиции понимания моральных санкций. Истоки интереса автора статьи к этому вопросу связаны с его исследованиями в области терминологического аппарата и теоретического содержания этики О.Г. Дробницкого, который вслед за Т. Парсонсом критиковал прямолинейное социально-функционалистское представление о моральных санкциях именно на примере взглядов Дюркгейма. Основная гипотеза этой части исследования такова: в некоторых работах позднего периода Дюркгейм проявляет чувствительность к проблематике, которая стала точкой опоры для критики со стороны Т. Парсонса и О.Г. Дробницкого.

Данное исследование не ставит целью полноценную реконструкцию этических воззрений Дюркгейма в целом. Попытки провести такую реконструкцию предпринимались неоднократно, в том числе в монографическом формате (Hall, 1987; Watts Miller, 2003; Fish, 2016) и в формате фун-

даментальных сборников статей (Turner, 2005; Cotterrell, 2016). В российской гуманитарной науке лучшим опытом реконструкции является большой очерк А.Б. Гофмана, подытоживающий его более ранние статьи (Gofman, 2021). Выводы этих авторов служат фоном данной работы, которая является не подготовкой к более полному исследованию социологии морали Дюркгейма, хотя может быть полезной в этом отношении, а подготовкой к созданию полной реконструкции двух традиций понимания моральных санкций.

Методология данной работы отталкивается от убеждения в том, что историко-этические исследования могут и должны быть сопряжены с исследованиями в области этической теории. История попыток описать и осмыслить моральный опыт должна превращаться в ресурс современной этики, и, наоборот, проекция теоретических проблем на комплекс идей и текстов того или иного мыслителя позволяет увидеть в них то, что не может дать простая реконструкция. Такое же взаимное обогащение должно иметь место между исследованиями отдельных персонажей из истории этики и выявлением долговременных тенденций ее развития.

Обсуждение

Определение моральной санкции из «Метода социологии» и связанные с ним трудности

Самым простым ответом на вопрос о том, как Дюркгейм понимал специфику моральных санкций, могло бы быть обращение к тому фрагменту из «Метода социологии», который больше всего похож на их определение. Этот фрагмент встроен в обсуждение проблемы выбора объекта социологического исследования. Группировка фактов для фиксации такого объекта должна опираться на общепризнанные, проверяемые характеристики изучаемого явления, которые соотносятся, но не обязательно совпадают с обыденным словоупотреблением. Лишь после этого начинается то исследование, которое раскрывает «сущность реаль-

ности». В этой связи Дюркгейм разбирает некоторые ошибки, встречающиеся на этапе выбора объекта, используя в качестве примера «нравственность» (перевод «Метода социологии» использует именно это понятие, о соотношении понятий «мораль» и «нравственность» в переводах Дюркгейма см. ниже). Отвечая на усеченные отправные определения нравственности, отождествляющие ее с нравственностью современного европейца, Дюркгейм предлагает следующую, по его мнению, корректную характеристику: «внешний признак нравственности... заключается в репрессивной диффузной санкции, т.е. в осуждении общественным мнением всякого нарушения... предписания» (Durkheim, 1995: 64). Эта формулировка соответствует первой традиции понимания моральных санкций в ее исходном, нескорректированном варианте.

Однако определение из «Метода социологии» оставляет ряд неопределенностей и проблематичных мест, к обсуждению которых я хотел бы обратиться далее. Прежде всего, неопределенным остается понимание самой морали (нравственности). Она задана через санкции особого рода, но означает ли это, что перед нами практика, которая опирается только на такие санкции или же параллельно с ними может использовать и другие? Также неопределенной остается цель демаркационных усилий социолога: на фоне каких иных явлений он хотел бы расположить мораль (нравственность) с ее специфическими санкциями. Наконец, формулировка из «Метода социологии» содержит логическое несоответствие: репрессивная диффузная санкция не тождественна общественному осуждению. Прояснить неопределенности и разобраться с причинами появления проблемных мест можно проанализировав работу «О разделении общественного труда», написанную Дюркгеймом немного раньше.

Проблема моральных санкций в тексте

«О разделении общественного труда»

Начать следует с базовой классификации правил и санкций, введенной Дюр-

кгеймом. Центральное ее деление – деление на репрессивные санкции (они ставят целью причинить страдания нарушившему правилу индивиду, заставить его столкнуться с лишениями, принизить его тем или иным образом) и реститутивные санкции (они восстанавливают нарушенный порядок вещей, принуждают индивида совершить должный поступок или аннулируют последствия нарушения, однако без принижения нарушителя или причинения ему таких страданий, которые выходят за пределы побочных следствий восстановления порядка). Для репрессивных санкций страдание или ограничение возможностей нарушителя являются самостоятельной целью, они выступают в роли кары за пренебрежение правилом. Репрессивные санкции могут налагаться централизованно или диффузно, то есть так, чтобы их наложение «не находилось в руках специального органа», но «все общество в той или иной мере принимало в нем участие» (Durkheim, 1996: 76).

Диффузное применение санкции и общественное осуждение не являются синонимами не только по общему смыслу терминов, но и для самого Дюркгейма. Текст «О разделении общественного труда» не оставляет в этом сомнений. Мы видим в нем примеры из истории ранних человеческих обществ, в которых просто нет специальных органов для наложения репрессивных санкций, но они тем не менее налагаются. Мы видим обсуждение феномена кровной мести, которая осуществляется диффузно, но состоит в применении летальной силы. Если моральные санкции определяются через репрессивность и диффузность, то все это примеры именно моральных санкций, и дюркгеймовское «то есть» в исходной формулировке вызывает законные вопросы.

Теперь можно обратиться к цели демаркационных усилий Дюркгейма. Если взять обобщение из «Заключения» к «О разделении общественного труда», то понятие «моральные правила» относится в нем ко всем правилам, которые «выражают основные условия социальной солидарности» и огра-

ничивают эгоистическое поведение. В таком случае выделить мораль по специфике санкций просто невозможно, поскольку ее правила опираются на весь их массив: «Мы разделили... [моральные правила] на два рода: правила с репрессивной санкцией – как диффузивной, так и организованной – и правила с реститутивной санкцией» (Durkheim, 1996: 406). Присутствие долга, принуждения и, соответственно, санкций позволяет разграничить мораль и искусство (как в самом начале работы), но не определить специфику морали по специфике санкций. На этом фоне демаркационное замечание из «Метода социологии» полностью теряет смысл.

С формально логической точки зрения есть возможность, что формулировка из «Метода социологии» относится к таким нормам, которые поддерживаются разными репрессивными санкциями (диффузными и организованными), но при этом наличие диффузных является обязательным, причем именно в таком их выражении, как общественное осуждение. Тогда под моральными нормами следует понимать агрегат, в который входят: а) уголовное право, поскольку организованные репрессивные санкции сопровождаются осуждением нарушителя со стороны общества, и б) какие-то внеправовые формы регулирования поведения (мораль в узком смысле или мораль в узком смысле и обычай), поскольку для них общественное осуждение есть единственная форма санкционирования. Однако это предположение не находит подтверждения в тексте работы, и далее будет упомянут фрагмент, который прямо его опровергает.

Гораздо более вероятно, что в «Метод социологии» имеется в виду, что моральная норма поддерживается исключительно диффузной санкцией в виде общественного осуждения. Но это, по сути, иное понимание морали и моральности, чем то, которое содержится в обобщении идей работы. Это мораль в узком смысле слова, следы которой встречаются в тексте «О разделении общественного труда». В том же обобщении, наряду с моральными нормами,

в состав которых явно входят правовые, упоминаются отдельные мораль (в русском переводе – «нравственность») и право (Durkheim, 1996: 406). Правда, в пассаже, где они упомянуты, посвященном ложному отождествлению морали и свободы, отсутствуют указания на специфику морали и права. Более показательны в этом отношении заключение к первой книге работы. В нем каждому из видов права (основанному на репрессивных и на реститутивных санкциях) соответствует свой вид морали. Первый дополняет «коллективная мораль», тождественная «коллективным обычаям, охраняемым общественным мнением» (Durkheim, 1996: 235). Второй – «профессиональная» мораль (в русском переводе «нравственность»), которая тоже опирается на «мнение», «рассеянное на всем пространстве этого ограниченного агрегата» (имеется в виду профессиональная корпорация) и, «не будучи снабжено правовыми санкциями, заставляющее, однако, повиноваться себе» (Durkheim, 1996: 235). Разница двух моралей состоит в силе воздействия общественного мнения. Противоречие, возникающее в связи с наличием репрессивности внутри нормативной системы, которая определяется в целом на другой основе (основе реститутивных санкций), Дюркгейм частично сглаживает мыслью о свободе выбора профессии.

Итак, перед нами очевидный разрыв, возникающий в связи с двумя разными пониманиями морали, моральности и в итоге – моральных санкций. Острота этого разрыва подчеркивается тем, что Дюркгейм использует во всех случаях одни и те же термины. В исходном фрагменте из «Метода социологии» в формулировке «внешний признак нравственности» используется понятие *la moralite*, но в идущем чуть раньше, неверном, с точки зрения Дюркгейма, утверждении «только наша нравственность есть нравственность» – оба раза *la morale* (Durkheim, 1967: 41). Разграничивая мораль в широком смысле и искусство Дюркгейм говорит как о *la morale*, так и о *la moralite* (Durkheim, 1991: 14). То же самое касается заключения к работе (Durkheim, 1991:

393–394). А в заключение к первой книге он применяет только слово *la morale* и в отношении коллективной морали общества, и в отношении морали профессиональных сообществ (Durkheim, 1991: 206). Русские переводы «О разделении общественного труда» не отражают факт использования Дюркгеймом двух терминов, словами «мораль» и «нравственность» в них может передаваться как один, так и другой (дополнительно см.: (Gofman, 2021: 42–43).

Если взять текст «О разделении общественного труда» в том виде, в котором он существует начиная со второго издания, то разрыв между двумя пониманиями морали оказывается наиболее резким. Конечно, Дюркгейм использует понятия «чисто моральные правила» и «просто безнравственные действия». Слова «чисто» и «просто» являются при этом маркерами того, в каком смысле употребляются термины, указывающие на моральную реальность: в широком или узком. Однако отсутствие вводных пояснений, которые локализовали бы «чисто моральные правила» на фоне остальных, создает существенную неопределенность.

Лишь в тех фрагментах введения к работе, которые были опущены Дюркгеймом во втором издании и, соответственно, отсутствуют в русском переводе А. Б. Гофмана, имеется попытка прямо объяснить, что к чему. Здесь Дюркгейм настаивает на непродуктивности строгих разграничений между моралью и правом, на нераздельности этих двух явлений. Специфику тех правил, которые «специально» называют моральными, в отличие от правовых, можно обнаружить только в области санкций. Нарушение таких правил вызывает порицание со стороны общества, проходящее «все оттенки от опозоривания до простого неодобрения». Здесь невозможно использовать различие «морального» и «материального», поскольку санкции такого рода имеют материальное выражение (это всегда действие, причиняющее страдание нарушителю). Поэтому для характеристики «морального» (в «специальном» смысле этого слова) правила нужно использовать два понятия: «репрессивный» и «диффузный», причем

применять их следует к поддерживающим его санкциям (Durkheim, 1900: 19–20).

То есть в опущенном фрагменте «Введения» Дюркгейм в чуть более развернутом виде дает определение моральной санкции, содержащееся в «Методологии», но не раскрывает причин двойственного употребления слов «мораль» и «моральный». Чтобы понять эти причины, необходимо проанализировать особенности «чисто моральных правил», упомянутые в основной части работы. Они таковы: 1) эти правила не центральны для общественного сознания («репрессивное право соответствует тому, что составляет сердце, центр общего сознания, чисто моральные правила составляют уже менее центральную часть его» (Durkheim, 1996: 120), 2) они порождены коллективными чувствами, которые имеют меньшую энергию (эти чувства «либо... были недавно обретены и не имели еще времени глубоко проникнуть в сознание, либо они на пути к потере корней и поднимаются из глубины к поверхности» (Durkheim, 1996: 86), 3) они изменчивы (имеет место «величайшая пластичность... и относительная быстрота их эволюции» (Durkheim, 1996: 86), 4) они неопределенны («представляют собой вообще нечто расплывчатое; вследствие их неопределенной природы очень часто даже трудно дать их устоявшуюся формулировку» (Durkheim, 1996: 87). Меньшая важность для общественного сознания, а также большая неопределенность и изменчивость ведут к тому, что для санкционирования таких правил в обществе достаточно одного лишь общественного мнения (общественного осуждения) без применения физической силы.

В итоге складывается следующая общая картина. Единый массив в широком смысле моральных правил рассекает граница между моральными в узком смысле и правовыми (в особенности – уголовно-правовыми) правилами. Мораль в узком смысле не имеет даже относительной самостоятельности и качественной специфики на уровне чувств и требований. А на уровне санкций она специфична лишь тем, что к осуждению, которое есть и в случае

уголовно-правовых нарушений, не добавляется организованное причинение физических страданий и создание материальных лишений. Мораль в узком смысле выступает как нечто второстепенное, но необходимое. Она важна в основном в историческом измерении, поскольку все новое в механизмах обеспечения общественной дисциплины и солидарности возникает именно в этой сфере.

Однако такая схема оставляет нерешенным вопрос о соотношении диффузности моральных санкций и тем, что они ограничены одним лишь общественным осуждением. Как уже было сказано, отождествление этих аспектов в формулировке из «Методологии» неправомерно. По сути, Дюркгейм обсуждает два разных параметра санкций, но не проводит между ними различий. Это субъект санкций, по отношению к которому они могут быть организованными и диффузными, и это сила их воздействия на нарушителя, причем предполагается, что наибольшая сила у физических или материальных способов воздействия (физического страдания и материальных лишений), а наименьшая – у простых оценок, высказанных окружающими (вербального принижения).

Вместе с тем возникновение такого отождествления, несмотря на его сомнительность, вполне понятно, поскольку для Дюркгейма оба этих параметра тесно связаны между собой в свете той зависимости, которая существует между характером санкций и силой общих чувств. Те правила, которые связаны с самыми сильными чувствами требуют наиболее сильных средств воздействия на нарушителей. Наиболее сильные средства – это причинение смерти, интенсивного физического страдания, серьезного материального ущерба. Именно таков санкционный арсенал уголовного права. Соответственно, именно оно оказывается главным выражением сильных общих чувств, в особенности, когда они сконцентрированы вокруг трансцендентного существа или понятия. Это утверждение носит едва ли не аксиоматический характер.

Однако к нему добавляется не столь очевидное утверждение о том, что сильные общие чувства тяготеют к тому, чтобы выражаться в тех правилах, которые опираются не только на репрессивные и сильные, но и на репрессивные и организованные санкции. Дюркгейм утверждает, что «организованная кара не противоположна диффузной, но отличается от нее степенью: реакция в этом случае более единодушна» (Durkheim, 1996: 112). В рамках диффузной кары каждый индивид действует от своего имени. И это недостаточная реакция на «серьезные оскорбления» общего чувства. В случае серьезных оскорблений «люди не довольствуются... случайным обменом впечатлениями, случайным сближением то здесь, то там или большим удобством встречи» (Durkheim, 1996: 112). Они соединяются в одном месте и действуют как единое целое. Наказание осуществляет общее собрание членов общества, превращающееся в суд и выступающее как карательный «социальный организм». Такое «собрание» имеет тенденцию «воплощаться» в «органах уголовно-правового воздействия». И эта тенденция не ослабляет единодушные, а усиливает его. Орган власти не просто представляет общее сознание группы, но «вносит вклад во внушаемое им уважение и в особый авторитет, которым оно пользуется» (Durkheim, 1996: 113).

Контрпримером в отношении тезиса Дюркгейма о преимущественной связи сильных общих чувств с организованными карательными санкциями (уголовным правом) могла бы служить широкая распространенность в ранних человеческих обществах кровной мести, представляющей собой диффузное наказание и вместе с тем не только следующей за нарушением правила, которое, казалось бы, поддерживается сильными общими чувствами (правила «не убивай»), но и предполагающей использование летальной силы. Однако Дюркгейм не видит здесь противоречия, поскольку регулирование насилия членов общества в отношении друг друга не является центральной морально-правовой проблемой ранних обществ, а месть, которая служит

регулятором такого насилия, – прообразом уголовного права. Убийство в ранних (или «низших») обществах, по Дюркгейму, не было связано с самыми сильными общими чувствами. Это место занимали «проступки те, которые оскорбляют нечто общественное; это проступки против религии, нравов, авторитета» (Durkheim, 1996: 101). В особенности против религии. Соответственно, наказание за убийство в случае мести действительно является наказанием, а не реститутивной санкцией, но оно делегировано потерпевшей стороне именно вследствие своей периферийности на карте общих чувств. Это положение меняется в связи с процессом индивидуализации, что собственно и служит причиной иллюзии разрыва между силой чувств и степенью организованности санкций.

***Проблема моральных санкций
в «Моральном воспитании»
и «Определении моральных фактов»***

Итак, Дюркгейм отождествляет моральные санкции с карательными, диффузными и состоящими в общественном осуждении. Это лишает мораль качественной специфики по сравнению с обычаем и правом. Неудивительно, что теоретики, которые пытались такую специфику установить, оказывались критиками самого Дюркгейма или подхода, в формирование которого Дюркгейм внес свой вклад. Даже если они придерживались в целом социологического или социально-функционального понимания морали, которое не отождествляет ее с каким-то конкретным ценностно-нормативным содержанием, они видели в описании морали французским социологом нечувствительность к каким-то ее аспектам. Так Т. Парсонс указывал на общий недостаток дюркгеймовской концепции санкций, не переходя к вопросу о том, какие из них являются моральными. Он писал, что для Дюркгейма свойственно такое понимание санкций, которое существенным образом искажает роль нарушителя правил в процессе социальной регуляции. Индивид, нарушающий правило, рассматривается Дюр-

кгеймом как эмоционально нейтральный. Он видит в правиле всего лишь обстоятельство, на фоне которого разворачивается его деятельность, а в санкции – простое последствие своего действия, которое требует учета. Возмущение наложением санкций или их одобрение у него отсутствуют или, если они есть, не имеют значения для теоретика. Дюркгейм, по Т. Парсонсу, не интересуется внутренними последствиями нарушения (можно было бы уточнить: кроме причиняемых санкциями страданий) (Parsons, 1966: 380). Т. Парсонс отчасти прав, хотя приписывает Дюркгейму большую близость к превентивному пониманию санкций, чем это имело место в действительности. Однако, когда Дюркгейм утверждает, что «главное назначение наказания – воздействовать на добропорядочных людей; так как оно способствует залечиванию ран, нанесенных коллективным чувствам», отсутствие внимания к психологическим состояниям нарушителя очевидно (Durkheim, 1996: 117).

О.Г. Дробницкий поддержал критику Дюркгейма Т. Парсонсом в той, части, что результаты феноменологического исследования морального опыта «не вписываются» в дюркгеймовское понимание общества, и перевел эту критику в русло уточнения понятий «мораль» и «моральные санкции». Для него моральный характер санкций определяется именно тем, что воздействие общества на нарушителя в виде осуждения сопровождается самоосуждением, принятием общественной оценки. И то, что внутренний элемент моральной санкции необходим и приоритетен, исключает возможность рассматривать в качестве моральной санкции применение «материально-действенных» мер. Дюркгейм придерживался отождествления моральных санкций с общественным осуждением по иным причинам и подменил их, если пользоваться термином О.Г. Дробницкого, простым «эмоционально-волевым давлением» на нарушителя (Drobnitskii, 1974: 277–280).

Однако я думаю, что Дюркгейм не был так уж чужд тому повороту в рамках первой традиции понимания моральных санкций,

который осуществили его критики. Иначе и быть не могло, поскольку он оставался тонким наблюдателем моральных феноменов. Во всяком случае, более поздние работы Дюркгейма демонстрируют его интерес к психологическим состояниям индивида, сопровождающим социальные регуляцию и интеграцию, и в частности – к психологическим состояниям нарушителя, подвергающегося санкциям. Реконструируя этот интерес, я буду опираться в основном на работы «Моральное воспитание» и «Определение моральных фактов».

Если посмотреть на те их фрагменты, которые непосредственно связаны с понятием «санкция», то в них нет какого-то существенного изменения позиции (Э. Гидденс полагал, что изменение имело место (Giddens, 1971: 218), но вряд ли это так; А.Б. Гофман ведет речь лишь о разных акцентах (Gofman, 2021: 44)). В «Определении моральных фактов» под санкцией как таковой понимается негативное или позитивное следствие того или иного акта, связанное с ним синтетически, то есть возникающее исключительно в связи с тем, что он запрещен или предписан каким-то социальным правилом. Противоположность санкции – естественное следствие, которое связано с актом аналитически, то есть не зависит от существования правил и может быть предсказано без обращения к ним (Durkheim, 2002: 32–33). Дополнением служит рассуждение из «Элементарных форм религиозной жизни», где Дюркгейм указывает на близость между тем отношением, которое люди выражают к естественным следствиям акта и к следствиям, порожденным нарушением магических запретов. Следствие нарушения магического запрета, поскольку оно связано с правилами, Дюркгейм продолжает именовать санкцией. Иной характер, по его мнению, имеют санкции, связанные с религиозными правилами, выражающими почтение к сакральному (он называет их «категорическими императивами»). Здесь нарушение превращается в посягательство на общественное мнение, и оно признает нарушителя виновным. Такие санкции «сознательно налагают люди»

и «по меньшей мере дело ограничивается порицанием, публичным осуждением» (Durkheim, 2018: 511–512).

Наложим на это представление о санкциях общее понимание морали, присутствующее в «Определении моральных фактов». Мораль – это долг или совокупность обязанностей, противостоящих эгоизму или превосходящих эгоизм (в том числе эгоизм самосовершенствования), направленных на сознательные субъекты и выражающих привязанность индивида к группе как к чему-то более высокому, чем он сам. Моральной санкцией в этом случае можно считать любую негативную реакцию людей на нарушение правил, фиксирующих подобный долг: от смертной казни до простого осуждения. На этом фоне остается пространство для выявления «чисто моральных санкций», и оно вполне может быть заполнено на той же основе, что и в работе «О разделении общественного труда» и «Методе социологии» (слова «по меньшей мере» на это прямо указывают).

Однако, как уже было отмечено выше, в более поздних работах Дюркгейм уделяет гораздо большее внимание внутреннему миру индивида. Есть несколько тем, проработка которых свидетельствует об этом. Во-первых, это тема морали как блага или добра. Она вырастает из констатации, что невозможно «выполнять акт, который нам ни о чем не говорит, и выполнять его исключительно потому, что это приказано» (Durkheim, 2002: 35). Внутреннее принятие приказания – обязательная часть нормативной регуляции поведения, и оно раскрывается Дюркгеймом через понятие «желательности» исполнения предписанного, то есть его превращения в благо или добро. Такое превращение никогда не вытесняет обязательности, но оно необходимо и могло бы быть спроецировано, в том числе на понимание санкций.

Во-вторых, это тема священного. Моральные ценности обладают этим свойством, поскольку они несоизмеримы с другими ценностями. Моральные чувства «выше других человеческих желаний», они обладают «престижем, энергией, кото-

рые выделяют их среди проявлений наших чувств». «Ужас, внушаемый нам преступлением, – пишет Дюркгейм, – во всех отношениях подобен тому ужасу, который святотатство внушает верующим» ((Durkheim, 2002: 59), о проблеме сакральности в морали см.: Gofman, 2021: 62–68. Такова основа интенсивности общественного осуждения нарушений. Но тот же ужас не может не возникать в сознании самого нарушителя, и учет этого обстоятельства мог бы вести к поправкам к определению моральной санкции.

В-третьих, это тема морального авторитета. Идея правила, по Дюркгейму, «включает в себя, с одной стороны, регулярность совершения одних и тех же поступков в одних и тех же обстоятельствах, а с другой – идею авторитета, который навязывает нам совершение поступков без опоры на какие бы то ни было утилитарные соображения» (Durkheim, 2021: 145). Авторитет обеспечивает «повиновение, вызываемое добровольным согласием». Добровольно согласие – результат внутреннего процесса, ведущего к признанию правила. Именно на этой основе индивид сдерживает собственные страсти и их деятельное выражение. Опыт признания может быть рефлексивным и включающим рассуждение. Дюркгейм вводит понятие морального авторитета для объяснения нормосообразного поведения, но готов использовать его и для анализа внутренних последствий нарушения («голос, который говорит в нас и который нам говорит: таков твой долг... когда мы не выполнили этот долг... протестует против нашего поступка») (Durkheim, 2021: 216), см. также: (Gofman, 2021: 50–51). Значит, для Дюркгейма открыта возможность обсуждения таких внутренних последствий нарушения, которые вызваны общественным осуждением, иначе говоря – внутренней составляющей моральной санкции.

В-четвертых, это идея автономии как третьего элемента морали, наряду с духом дисциплины и привязанностью к группам. Третий элемент, по Дюркгейму, не является исторически изначальным, но он важен.

Чем дальше по ходу развития человеческого общества, тем больше индивид способен воспринимать моральное принуждение общества как «насилие, совершаемое над нашей личной автономией» (Durkheim, 2021: 237). При выборе действий моральным является только такое, которое мы «выполняем совершенно свободно, без какого бы то ни было давления» (Durkheim, 2021: 243). О свободном принятии правила Дюркгейм пишет как о «проясненном» или «осмысленном» (Durkheim, 2021: 252). Именно это ведет Дюркгейма к мысли о том, что наука о морали могла бы стать инструментом примирения бунтующего индивида и принуждающего общества. Но у тезиса о важности автономии могли бы быть и иные импликации. Например, те, которые связаны с ранжированием санкций как более и менее автономных (об автономии и соотношении автономии и желательности у Дюркгейма см.: Gofman, 2021: 52–57).

Другими словами, мы видим основу для артикуляции обновленной теории моральных санкций. Но, обсуждая в «Моральном воспитании» конкретную проблему, которая предоставляет для этого возможности, проблему наказания в школе, Дюркгейм не идет по этому пути. Продолжая тему авторитета, он подчеркивает, что подлинно моральное подчинение правилу добровольно. Отсюда следует тезис о небольшой роли санкций в области моральной регуляции: «Санкции в функционировании дисциплины – как в школе, так и в жизни вообще – не играют той перво-степенной роли, которую некоторые теоретики им иногда приписывали» (Durkheim, 2021: 303). И в этой своей периферийной, но необходимой роли они вполне органично остаются явлением преимущественно внешним. Смысл санкций в «Моральном воспитании», как и более ранних работах, не в воздействии на нарушителя, а в том, что нарушение «подрывает веру... в авторитет общеморального закона и, следовательно, реально снижает этот авторитет», что требует со стороны общества «значимой демонстрации», энергичного утверждения закона в виде осуждения нарушителя

(Durkheim, 2021: 309). Наказанием общество показывает, что оно относится к нему иначе, чем к своим законопослушным членам, но показывает не самому нарушителю, которого надо утратить или которому надо дать возможность искупить вину, а всем своим членам.

Лишь в считанных фрагментах «Морального воспитания» нарушитель оказывается не только непосредственным, но и конечным объектом санкционного воздействия. Скажем, сравнение дрессировки животного и наказания ребенка не оставляет возможности для иной трактовки. Прямо на это указывает утверждение, что наказание имеет цель «укрепить... чувство [долга] и у виновного, и у тех, кто стал свидетелем провинности и кого она стремится деморализовать» (Durkheim, 2021: 329). В том же русле находится мысль о том, что страх наказания приобретает моральный характер лишь тогда, когда «наказание признано справедливым тем, кто ему подвергается» (Durkheim, 2021: 296). В одном случае Дюркгейм даже делает еще один шаг вперед и ведет речь о том, что такой страх порожден не «причиняемой болью», а «моральным стыдом» (Durkheim, 2021: 349).

Есть ли отличие этих, не доминирующих у Дюркгейма утверждений от концепции моральных санкций О.Г. Дробницкого? Да они есть. 1. Порождаемый стыдом страх перед моральной стороной наказания является не санкцией в собственном смысле слова, а одним из эффектов ее ожидания. 2. Признание наказания справедливым не обязательно носит автономный или рефлексивный характер (хотя для О.Г. Дробницкого автономность и рефлексивность моральной санкции заключаются в том, что нарушитель признает сначала норму, а лишь потом осуждение, если оно ей соответствует, и это, возможно, есть и у Дюркгейма). 3. Страх и стыд, переживания, отражающие внутреннюю сторону наказания, касаются любых его форм, а не только чистого осуждения (хотя надо учитывать, что в педагогическом контексте у Дюркгейма именно «порицание» является первой

в порядке применения и предпочтительной формой наказания). 4. Стыд, если он является не сдерживающей эмоцией, а мучительным следствием нарушения, Дюркгейм не называет санкцией, а также считает неэффективным средством моральной регуляции, поскольку он слабо содействует моральному авторитету учителя: «когда этот стыд однажды уже испытан, к нему становятся менее чувствительными» (Durkheim, 2021: 349).

Заключение

Итак, в ходе проведенного исследования было установлено, что Дюркгейм являлся ключевой фигурой в становлении той традиции понимания моральных санкций, которая отождествляет их с общественным

осуждением. Однако это представление о моральных санкциях связано у Дюркгейма лишь с одним из двух образов морали, которые можно обнаружить в его текстах: моралью «чисто моральных правил», моралью в «специальном» или узком смысле слова. Мораль в широком смысле слова опирается на весь комплекс санкций за нарушение правил: диффузные и организованные, физические и не предполагающие применения физической силы. Хотя для Дюркгейма моральная санкция – это по преимуществу внешнее воздействие на индивида, в его поздних работах можно найти много отправных точек, которые заставили его преемников включить в определение моральной санкции реакцию самого нарушителя на такое внешнее воздействие.

Список литературы

- Дробницкий О. Г. *Понятие морали. Историко-критический очерк*. М.: Наука, 1974, 388 с.
- Дюркгейм Е. *Метод социологии. Социология. Ее предмет, метод, предназначение*. М.: Канон, 1995, 5–164.
- Дюркгейм Е. *Определение моральных фактов. Теоретическая социология: Антология*. Ч. 1. М.: Университет, 2002, 1, 25–69.
- Дюркгейм Е. *О разделении общественного труда*. Одесса: Типография Г. М. Левинсона, 1900, 344 с.
- Дюркгейм Е. *О разделении общественного труда*. М.: Канон, 1995, 1996, 432 с.
- Дюркгейм Е. *Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии*. М.: Элементарные формы, 2018, 808 с.
- Дюркгейм Е. *Моральное воспитание*. М.: Изд. дом Высш. шк. экон., 2021, 456 с.
- Гофман А. В. *Социология морали Эмиля Дюркгейма. Дюркгейм Е. Моральное воспитание*. М.: Изд. дом Высш. шк. экон., 2021, 7–105.
- Cotterrell R. (ed.) *Emile Durkheim: Justice, Morality and Politics*. London, New York, Routledge, 2016, 475 p.
- Durkheim E. *Les Règles de la méthode sociologique [Rules of Sociological Method]*. Paris: Les Presses universitaires de France, 1967, 149 p.
- Durkheim E. *De la division du travail social [The Division of Labour in Society]*. Paris: Les Presses universitaires de France, 1991, 416 p.
- Fish J. S. *Defending the Durkheimian Tradition: Religion, Emotion, and Morality*. London, New York, Routledge, 2016, 207 p.
- Giddens A. The 'Individual' in the Writings of Emile Durkheim, *European Journal of Sociology*, 1971, 2 (02), 210–228.
- Hall R. T. *Emile Durkheim: Ethics and the Sociology of Morals*. Westport: Greenwood Press, 1987, 234 p.
- Parsons T. *The Structure of Social Action. A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers*. New York, Free Press, 1966, 817 p.
- Turner S. P. (ed.) *Emile Durkheim: Sociologist and Moralist*. London, New York, Routledge, 2005, 248 p.
- Watts Miller W. *Durkheim, Morals and Modernity*. London, New York: Routledge, 2003, 288 p.

References

- Cotterrell, R. (ed.) (2016). *Emile Durkheim: Justice, Morality and Politics*. London, New York, Routledge, 475 p.
- Drobnitskii, O.G. (1974). *Poniatie morali. Istoriko-kriticheskii ocherk [The concept of morality: Historical-Critical Essay]*. Moscow, Nauka, 1974, 388 p.
- Durkheim, E. (1900). *O razdelenii obshchestvennogo truda [The Division of Labour in Society, 1st ed.]*. Odessa: Tipografiia G. M. Levinsona, 1900, 344 p.
- Durkheim, E. (1967). *Les Règles de la méthode sociologique [Rules of Sociological Method]*. Paris: Les Presses universitaires de France, 149 p.
- Durkheim, E. (1991). *De la division du travail social [The Division of Labour in Society]*. Paris: Les Presses universitaires de France, 416 p.
- Durkheim, E. (1996). Metod sotsiologii [Rules of Sociological Method], In Durkheim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie [Sociology: Its subject, method, and purpose]*. Moscow, Kanon, 1995, 5–164.
- Durkheim, E. (1996). *O razdelenii obshchestvennogo truda [The Division of Labour in Society, 2nd ed.]*. Moscow: Kanon, 1996, 432 p.
- Durkheim, E. (2002). Opredelenie moral'nykh faktov [The Determination of moral facts], In *Teoreticheskaia sotsiologiya: Antologiya. Ch. I. [Theoretical sociology: An anthology. Pt. I]*. Moscow, Knizhnyi dom «Universitet», 1, 25–69.
- Durkheim, E. (2018). *Elementarnye formy religioznoi zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii [The elementary forms of the religious life: The totemic system in Australia]*. Moscow, Elementarnye formy, 808 p.
- Durkheim, E. (2021). *Moral'noe vospitanie [Moral Education]*. Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 456 p.
- Fish, J.S. (2016). *Defending the Durkheimian Tradition: Religion, Emotion, and Morality*. London, New York, Routledge, 207 p.
- Giddens, A. (1971). The 'Individual' in the Writings of Emile Durkheim, *European Journal of Sociology*, 12 (02), 210–228.
- Gofman, A. B. Sotsiologiya morali Emila Durkheima: Istoki, printsipy, znachenie [Emile Durkheim's sociology of morality: Sources, principles, significance], In Durkheim, E. (2021). *Moral'noe vospitanie [Moral Education]*. Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 7–105.
- Hall, R.T. (1987). *Emile Durkheim: Ethics and the Sociology of Morals*. Westport: Greenwood Press, 234 p.
- Parsons, T. (1966). *The Structure of Social Action. A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers*. New York, Free Press, 817 p.
- Turner, S.P. (ed.) (2005). *Emile Durkheim: Sociologist and Moralist*. London, New York, Routledge, 248 p.
- Watts Miller, W. (2003). *Durkheim, Morals and Modernity*. London, New York: Routledge, 288 p.